

ЛИТЕРАТУРА

1. Батян Г.М., Кожарская Л.Г. Системные заболевания соединительной ткани у детей (диагностика и лечение): Методические рекомендации — Мн, 2002. — 23 с.
2. Беляева Л.М., Хрусталева Е.К. Сердечно-сосудистые заболевания у детей и подростков. — Мн.: Вышэйшая школа, 2003. — 365с.
3. Беляева Л.М., Чижевская И.Д. // Мед. панорама. — 2003. — № 1. — С. 15–18.
4. Детская ревматология: Руководство для врачей / Под ред. А.А.Баранова, Н.Е.Баженовой. — М., 2002. — 336с.
5. Карташева В.И. Неотложные состояния и неотложная терапия при диффузных болезнях соединительной ткани у детей. — М., 1995. — 236 с.
6. Подчерняева Н.С. Программа лечения клинических вариантов СКВ у детей // Междунар. журнал мед. практики. — 2000. — № 4. — С. 11–13.
7. Беляева Л.М., Лазарчик И.В., Хрусталева Е.К. и др. Смешанное заболевание соединительной ткани // Здравоохранение. — 2005. — № 2. — С. 14–17.

Поступила 19.05.2005

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

ББК 633 (4Пол)61-284.6+63.3(4Бел)61

**РАЗМЕЩЕНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО БЕЖЕНЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ В БССР
(сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)**

Д.М. Толочко

Гомельский государственный медицинский университет

Статья посвящена проблеме беженцев из Польши в БССР в сентябре 1939 – июне 1941 гг.

Ключевые слова: беженцы, размещение, трудоустройство, директивы, политика.

**REFUGEES FROM POLAND TO THE BSSR
(from September 1939 to June 1941)**

D.M. Tolochko

Gomel State Medical University

The article is devoted to the problem of refugees from Poland to the BSSR in September of 1939 – June 1941.

Key words: refugees, accommodation, employing, directions, policy.

Одним из неисследованных вопросов в отечественной исторической науке является вопрос о беженцах из Польши в Западную Белоруссию и БССР осенью 1939 г. В настоящей работе мы сделаем попытку показать их численность, социальный и национальный состав, осветить мероприятия руководства БССР по размещению и трудоустройству части беженцев в Советской Беларуси, показать отношение населения БССР к этим людям, восприятие беженцами советской действительности.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и польской национально-

сти, двинулись из центральных и западных районов Польши на восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. 17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев - поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, частично в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населенных пунктов Западной Украины и Западной Беларуси [1, л. 91].

Более того, беженцы большими группами продолжали прибывать в Западную

Беларусь вплоть до конца сентября 1939 г., т.е. до установления окончательной границы между СССР и Германией. В основной своей массе это были представители еврейской национальности, которые, опасаясь репрессий со стороны немецких властей, пытались найти убежище в СССР.

Всего, по данным временных управлений городов Западной Беларуси, к 25 октября 1939 г. здесь насчитывалось 44786 беженцев [1, л. 236]. Однако их численность, особенно в крупных городах, таких как Белосток, Гродно и других была гораздо больше. Это было связано с тем, что беженцы зачастую уклонялись от регистрации [2, л. 10]. Несмотря на принимаемые советскими пограничными частями меры, они продолжали нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года. Например, только 29 ноября в Белосток прибыло 4500 человек [2, л. 10].

К концу 1939 г. в Западную Беларусь прибыло, согласно данным органов НКВД, 110 тысяч беженцев [16, л. 110]. Однако в докладной записке заместителя председателя СНК СССР А. Ванеева первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко и председателю СНК БССР К. Киселеву относительно количества беженцев приводится другая цифра — около 120 тысяч [1, л. 91].

Первоначально вопросами, связанными с расселением и трудоустройством беженцев в Западной Беларуси, занимались созданные при городских и областных временных управлениях комиссии по устройству беженцев. Они размещали их в школах, синагогах, на частных квартирах, пытались устроить на работу. Большую помощь оказывали местные еврейские общины, которые отдавали беженцам синагоги под интернаты. Только в Белостоке на эти цели было передано 30 синагог, а в целом по области — 63 [3, л. 97].

Однако прибывших в Западную Беларусь беженцев было так много, что местные органы власти оказались не в состоянии в полной мере осуществить необходимые мероприятия. В оперативной сводке наркома внутренних дел БССР Л. Цанавы П. Пономаренко, датированной 13 октября 1939 г., отмечалось, что в Белостоке беженцы проживают чрезвычайно скученно. В одной из еврейских школ, максимальная вместимость которой составляла 1500 человек, проживает

3000 человек [4, л. 79–80]. Такие условия вызвали угрозу распространения инфекционных заболеваний, тем более что среди прибывших только в Белосток было выявлено 40 человек больных тифом, в то время как больничных коек в городе насчитывалось всего лишь 80 [2, л. 32].

Первоначально руководство БССР не придавало большого значения вопросу о беженцах. В качестве примера можно привести материалы совещания председателей временных управлений Западной Беларуси, которое проходило 4 октября 1939 г. На вопрос из зала: «Где будут расселяться беженцы?» — П. Пономаренко ответил так: «Они будут рассасываться по Западной Беларуси...» [5, л. 19].

Однако 14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б принимает решение просить ЦК ВКП(б) разрешить разместить 20 тысяч беженцев на территории БССР. 16 октября 1939 г. СНК СССР издает постановление, согласно которому СНК БССР получил возможность разместить и трудоустроить в БССР 20 тысяч беженцев [6, л. 217]. Для руководства указанным мероприятием было принято решение о создании специальной комиссии.

Следует отметить, что руководство областей и районов БССР не проявило должной оперативности в этом вопросе. Например, в докладной записке от 21 октября 1939 г. в ЦК КП(б)Б от председателя комиссии по размещению беженцев Горина указывалось, что «...по Витебской, Могилевской, Гомельской областям никакой работы по размещению беженцев не проводится» [7, л. 11]. Более того, к 25 октября 1939 г. в БССР не прибыло ни одного беженца. Не удивительно, что 25 октября 1939 г. ЦК КП(б)Б издает постановление, в котором председатель и члены комиссии предупреждались о строгой ответственности в случае, если они не улучшат работу по быстрейшему размещению беженцев в БССР. Вместе с тем, ЦК КП(б)Б обязал руководителей всех областей БССР создать специальные комиссии по приему и трудоустройству беженцев на местах [8, л. 87].

Результаты данного постановления не замедлили сказаться. 27 октября 1939 г. в города БССР прибыли первые 2722 человека [7, л. 21]. Перемещение беженцев было организовано через станции Негорелое, Радошковичи, Крулевщизна. Здесь были созданы обменные пункты по обмену польских

злотых на советские рубли. Каждому семейному разрешалось обменять 40 злотых, холостым — 20 злотых. Нуждающимся оказывалась материальная помощь в размере: семейным — до 100 рублей, холостым — до 25 рублей. На всех пограничных станциях наркоматом здравоохранения БССР организовывалась санитарная обработка беженцев, для чего ему было выделено 180000 рублей [1, л. 238].

Необходимо отметить, что в процессе размещения беженцев в БССР наблюдались случаи неудовлетворительной работы со стороны ответственных лиц. Так, на некоторых перевалочных пунктах (станции Негорелое, Койданово и др.), в отдельных городах, например, в Орше, Житковичах, Борисове и др. не было создано в достаточном количестве пунктов по обеспечению прибывающих людей питанием. В этой связи заместитель директора Оршанского райторга Адерман, в частности, заявил: «Как я буду организовывать специальные пункты, когда никаких указаний облторгом и нашим торгом мне не дано?» В городе Борисове прибывшие в 6 часов утра беженцы до часу дня не получали питание. Работник Борисовского горпищеторга Левин заявил по этому поводу: «Питанием беженцев обеспечить не сможем, так как пункты питания не созданы» [9, л. 273–274].

К 14 ноября 1939 г. вывоз беженцев из Западной Беларуси был прекращен. В связи с этим правительственная комиссия решением бюро ЦК КП(б)Б была распущена, уполномоченные в городах — отозваны. Решением бюро ЦК КП(б)Б при СНК БССР была создана группа для руководства размещением беженцев [7, л. 1–2]. Всего по данным председателя комиссии Горина в БССР прибыло следующее количество беженцев: в Могилевскую область — 7150, Витебскую — 6740, Минскую — 4363, Гомельскую — 2333, Полесскую — 1885. Всего — 22471 беженец [1, л. 239]. Национальный состав беженцев был таким: евреи — 17803, поляки — 432, русские — 318, белорусы — 119, украинцы — 77, прочие — 7 [10, л. 274].

Для приема и размещения беженцев в областях были созданы специальные комиссии. Для прибывающих была организована баня, затем беженцев регистрировали с указанием фамилии, имени, отчества, места, откуда человек прибыл, профессии, социаль-

ного происхождения, национальности, образования и т.д. После этого людей помещали в общежитие, откуда после и расселяли. Кроме того, беженцев снабжали продуктами питания, каждому из них была выделена сумма в размере от 15 до 50 рублей. Детям выдавались подарки, нуждающиеся беженцы получали теплую одежду, обувь [11, л. 41].

Следует отметить, что некоторые местные руководители оказались неподготовленными к приему и размещению беженцев, зачастую проявляли к ним бездушие и даже черствость. Вот что сообщал, например, по этому поводу в ЦК КП(б)Б заведующий отделом кадров НКВД БССР Коган: «...В Полоцке несколько дней сидят более 200 беженцев..., предназначенных для Ветренского и Освейского р-нов. Но руководство вышеуказанных районов отказалось принимать беженцев...» [7, л. 30]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других областях. Например, 26 октября 1939 г. 600 человек беженцев прибыли в Минскую область из Барановичей, однако из-за ее неподготовленности к приему и размещению беженцев большинство из них были отправлены в Гомельскую область. В городе Борисове руководство фабрики им. Кирова дало заявку на размещение 200 человек, при этом расселить их планировало в фойе клуба. Можно привести и другие подобные примеры [9, л. 275].

Ситуация несколько изменилась в лучшую сторону после того, как отдел кадров ЦК КП(б)Б направил в области уполномоченных для помощи в размещении беженцев.

Одной из главных проблем, с которой столкнулось руководство областей и районов БССР, было трудоустройство беженцев. Это было связано с тем, что большинство прибывших беженцев по специальности были рабочими, кустарями, немало было предпринимателей, представителей творческих профессий и др., в то время как области давали заявки в основном на сельскохозяйственных рабочих. И потому распределить всех прибывших в соответствии с их квалификацией зачастую было невозможно. Например, в город Борисов в числе других беженцев был направлен художник и дирижер. Как сообщало руководство района по этому поводу в ЦК КП(б)Б, «предоставить им работу по специальности в городе не представляется возможным...».

Еще одним препятствием при попытках устройства на работу по специальности было недоверие к ним со стороны руководства предприятий. Об этих фактах не раз упоминали беженцы в частных разговорах: «К беженцам здесь относятся хуже, чем к собакам, в каждом из нас видят шпиона», — заявил беженец Бобрук в беседе с рабочими завода «Пролетарий» [13, л. 130].

Все это привело к тому, что значительная часть беженцев использовалась на разного рода низкооплачиваемых подсобных работах. Так, большинство прибывших в Гомельскую область беженцев, имеющих квалификацию портных, сапожников, были устроены на работу в Белстройпуть на разгрузку камня. Появлялись случаи занижения беженцам оплаты труда. Например, монтер-беженец Мозырской ГЭС Познанский получал ежемесячную зарплату 35 рублей, в то время как местные рабочие такого уровня — 375 [14, л. 21].

Только в результате непосредственного вмешательства ЦК КП(б)Б к февралю 1940 г. удалось частично решить вопрос о трудоустройстве беженцев. В Минской области из 3314 человек (не считая детей) было трудоустроено 2615, в Витебской из 4008 человек — 3920, в Могилевской из 4101 беженца — 4025, в Гомельской из 1480 — трудоустроены все, в Полесской области из 940 — трудоустроено 872 [10, л. 273–297].

Одновременно с этим руководство страны решало вопрос о материальном обеспечении прибывающих беженцев. Однако нематериальные трудности, с которыми столкнулись беженцы в Советской Беларуси, оказались не менее сложными. Со стороны ответственных лиц часто проявлялось бездушное отношение к этим людям. В Гомельской области имели место случаи, когда отпускаемые беженцам продукты питания были недоброкачественными (гнилой картофель, вместо гороха выдавался семенной материал). Заведующая Жлобинским райздравом отказалась оказать помощь заболевшему беженцу, мотивируя это тем, что, якобы, нет бензина. В Скрыгаловском сельском совете Мозырского района в связи с антисанитарным состоянием жилищ для беженцев наблюдались случаи вшивости [15, л. 267]. Заведующий учебной частью по подготовке механизаторских кадров Полесской области не обеспечил надлежащие бытовые условия

для учебы беженцев. Когда они начали обращаться к нему с жалобами по поводу плохого питания, он отвечали им: «Если вам плохо, уезжайте домой» [14, л. 200].

Отношение рядовых жителей республики к беженцам было неоднозначным. Можно было встретить жалость к этим людям, удивление их желанием приехать в БССР, отмечались даже негативные эмоции по отношению к ним. Немало было случаев, когда жители БССР, в основном еврейской национальности, помогали беженцем, большинство из которых также были евреями, трудоустроиться, оказывали им материальную помощь [10, л. 92–94].

Часть жителей БССР, особенно те, кто были недовольны Советской властью, удивлялись, зачем беженцы бегут в СССР, где в магазинах зачастую не было самого необходимого. Такие высказывания зафиксированы в донесениях органов НКВД по Полесской области. «Зачем вы сюда приехали, в России нет ни мануфактуры, ни сахара, и вообще ничего нет», — заявила беженцам некто Ракитская, родственники которой были репрессированы в 1937 году. Жена рабочего Мозырского завода «Красный Октябрь», стоя в очереди, где также находились и беженцы, говорила им: «Эти очереди у нас 22 года, от очередей у нас бока стали черными, в Советском Союзе ничего нет». Колхозница колхоза «3 Решающий» Мозырского района в разговоре с беженцами сказала: «Что вы сюда приехали, вы тут с голоду умрете, вас тут будут кормить пополам с водой» [15, л. 278–285].

Еще одна часть жителей БССР была недовольна приездом беженцев. Эти люди считали приезжих нахлебниками, которые не хотят работать, а требуют предоставления им квартир, создания хороших бытовых условий и т.д. Информирова об этом П. Пономаренко, органы НКВД Могилевской области, в частности, сообщали, что 11 ноября 1939 г. в г.Костюковичи появились анонимные письма с протестом против размещения беженцев. Кроме всего прочего, эти письма носили антисемитский характер. Среди жителей Полесской области органы НКВД отмечали высказывания, подобные на заявление колхозника Головача, сделанное им в кругу других колхозников: «Кто-то воевал и голову положил, и когда требуется оказать какую-либо помощь колхоз-

нику, то ему нет, а как евреи, то все переехали в Советский Союз, им выдают пособия, предоставляют работу, в колхоз ни один не пошел, это все на нашу шею; колхозник должен хлебом всех кормить...». В конце ноября 1939 года некоторыми жителями Минска была захвачена часть синагог города. Один из участвующих в захвате на предложение освободить синагогу ответил: «Не боюсь, кто приехал из Западной Белоруссии, получили хорошие квартиры, а рабочих выбрасывают на улицу... Наши церкви закрыли, а синагоги оставили, для них все оставляют» [10, л. 339–342].

Первую реакцию беженцев на условия жизни в СССР можно выразить словами: удивление, разочарование. Большинство из этих людей никак не могли понять, почему, вопреки советской пропаганде о радостной и счастливой жизни в СССР, в советских магазинах нет самого необходимого, почему в стране такая низкая заработная плата, почему ответственные работники относятся к ним с подозрительностью, называя «иностранными специалистами»?

Органы НКВД по Полесской области уже в начале декабря 1939 г. (всего через месяц после прибытия в область последней группы беженцев) фиксируют среди них такие высказывания: «Встречали нас здесь хорошо, но сейчас становится плохо»; «Здесь, в Советском Союзе все дорого, а у нас в Польше было достаточно разной мануфактуры и продуктов. У вас в клубе очень грязно, а у нас в клубе было чисто и красиво»; «У нас в Польше можно было купить за 2 злотых брюки, а в Советском Союзе я должен ходить в рваных брюках и купить негде»; «Я не привык к такой грязной работе, я в Варшаве работал на заводе, на чистой работе — заготовщиком, а здесь — что это за работа»; «Мы не думали, что здесь так живут, хорошо живет тот, кто имеет блат» и т.д. [15, л. 278–285].

В марте-июле 1940 г., согласно материалам органов НКВД, высказывания среди беженцев становятся более резкими, некоторые из них уже открыто заявляют о своем нежелании трудиться на низкооплачиваемых работах, например, в колхозах. Кроме того, часть беженцев начинает высказывать желание вернуться в Западную Беларусь и даже в оккупированную Германией Польшу. Беженец Олешкович среди

учащихся Полесской областной школы по подготовке механизаторских кадров говорил: «В колхозе жить плохо, потому что человек работает бесплатно, отсюда нужно побыстрее уезжать домой, чтобы пожить хорошо дома, до организации колхоза». Рабочий фабрики «Профинтерн» Юр в присутствии рабочих заявил: «Я был бы счастливый, если бы мне удалось вырваться отсюда в Германию, и хорошо было бы, если бы всех беженцев возвратили назад в Германию» [13, л. 128].

К 7 февраля 1940 г. около 4308 беженцев бежали в Западную Беларусь, на Украину, другие регионы Советского Союза, даже в Польшу, оккупированную Германией. Данное обстоятельство объяснялось, прежде всего, тем, что часть беженцев не могла получить работу по специальности, а некоторые — работу вообще. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что часть прибывших беженцев представляла собой, как отмечалось в документах органов НКВД, «социально чуждую прослойку, состоящую из торговцев, предпринимателей, бывших чиновников польских учреждений, которые не хотят заниматься физическим трудом, ведут разложенческую работу среди беженцев, организывают саботаж производства» [10, л. 289].

Вышеуказанные категории беженцев занимались контрабандой, спекуляцией, организовывали нелегальные переправочные пункты в Германию, распространяли антисоветские настроения. Например, беженец Голомб, работавший художником Могилевского театра, по данным органов НКВД БССР, открыто высказывал «контрреволюционные взгляды по отношению к Советской власти». В Минском областном тресте работал беженец Альберт, в ноябре 1939 г. был устроен на работу в Гомель, но выехать отказался, вторично был устроен в Миноблстройтрест, где «проводил антисоветскую агитацию, клеветал на Советский Союз» [10, л. 292]. Среди беженцев, прибывших в БССР, было немало таких, кого органы НКВД подозревали в связях с германской разведкой [10, л. 294–295]. Все эти люди, как сообщалось в донесениях органов НКВД, или арестовывались или «брались в оперативную разработку» [10, л. 100–102]. Всего к 7 февраля 1940 г. по БССР было арестовано 204 беженца.

К концу 1940 – началу 1941 гг. бегство среди беженцев продолжалось. Их можно было встретить в Смоленске, Брянске и других городах СССР, куда они отправлялись в поисках работы. Те из них, кто остался, обустроивались, обзаводились семьями, пытались приспособиться к советской действительности.

В заключение отметим, что руководству страны так и не удалось в полной мере решить проблему размещения и трудоустройства прибывших в БССР более чем 20 тысяч беженцев. Данное обстоятельство объяснялось отсутствием в отдельных случаях вакантных мест, подозрительностью, с которой относились местные власти к этим людям при приеме их на работу, нередко проявляя при этом бездушие, черствость. Как результат, значительная часть из прибывших была вынуждена возвратиться назад в Западную Беларусь, другая — скитаться по городам СССР в поисках работы и жилья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1512.
2. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 7.
3. Там же, д. 8.
4. НАРБ. Ф.4. Оп. 21. Д. 1683.
5. Там же. Д. 1748.
6. Там же. Д. 1486
7. Там же. Д. 1511.
8. Там же. Оп. 3. Д. 869.
9. Там же. Оп. 21. Д. 1681.
10. Там же. Д. 2075.
11. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее: ГАОО Гом. обл). Ф. 702. Оп. 1. Д. 40.
12. НАРБ. Ф.4. Оп. 41. Д. 197.
13. ГАОО Гом. обл. Ф. 702. Оп. 1. Д. 127.
14. Там же. Д. 126.
15. Там же. Д. 64.

Поступила 05.01.2005